

Виктор Пронин

Запрещенный прием

*Часть сборника
Слишком большое сходство
(сборник)*

Ксенофонов и Зайцев

Виктор Пронин
Запрещенный прием

«ЭКСМО»

1993

Пронин В. А.

Запрещенный прием / В. А. Пронин — «Эксмо»,
1993 — (Ксенофонтов и Зайцев)

«Разложив на столе множество фотографий, Ксенофонтов медленно и отрешенно переводил взгляд с восторженного девичьего лица на угрюмую физиономию смуглого детины, останавливался на умиленно сложенных губках пожилой женщины, потом его чем-то привлекал мужчина в годах, добродушный и усталый. Все это были женихи и невесты, которые обратились в газету с просьбой найти им спутника жизни. А Ксенофонтов, пройдя по многочисленным служебным ступенькам редакционных коридоров, оказался в конце концов в этой маленькой комнате за фанерной дверью с приклепленной бумажкой – «Брачные объявления». Какой-то остряк переправил в первом слове «б» на «м», придав этому помещению совсем уж беспросветный характер...»

© Пронин В. А., 1993

© Эксмо, 1993

Виктор Пронин

Запрещенный прием

Разложив на столе множество фотографий, Ксенофонтов медленно и отрешенно переводил взгляд с восторженного девичьего лица на угрюмую физиономию смуглого детины, останавливался на умиленно сложенных губках пожилой женщины, потом его чем-то привлекал мужчина в годах, добродушный и усталый. Все это были женихи и невесты, которые обратились в газету с просьбой найти им спутника жизни. А Ксенофонтов, пройдя по многочисленным служебным ступенькам редакционных коридоров, оказался в конце концов в этой маленькой комнате за фанерной дверью с приклеенной бумажкой – «Брачные объявления». Какой-то остряк переправил в первом слове «б» на «м», придав этому помещению совсем уж беспросветный характер. Кто-то на собрании припомнил, что Ксенофонтов когда-то писал очерк о партийном работнике, кто-то в нем самом не увидел должного митингового азарта, кому-то показалось, что он недостаточно приветствует демократические устремления президента... В результате Ксенофонтов был отлучен от активной журналистики и для перевоспитания отправлен на устройство несостоявшихся судеб.

Сказать, что новые обязанности очень уж его огорчили... Нет, этого сказать было нельзя. Ксенофонтов увлеченно расписывал прелести местами сохранившейся пенсионерки, искренне переживал неудачи юных созданий, которые безуспешно искали молодого человека без вредных привычек, но с квартирой и ростом под сто восемьдесят.

– Ну, чтобы он был как вы примерно, – краснея, говорили девицы. – Только немного помоложе.

– А я, выходит, для вас уж и не гожусь? – обижался Ксенофонтов.

– Ну почему... Вы тоже годитесь.

Снимков было много, со всеми этими людьми Ксенофонтов перезнакомился, некоторые здоровались с ним на улице, он уже заранее знал, какого жениха или какую невесту хочет тот или иной его заказчик, в меру сил и разумения старался уладить их жизнь.

– Ну что, всех переженил? – спросил Зайцев, входя без стука и тут же падая в кресло.

– Ты вот только остался. Но, боюсь, безнадежный случай.

– Это почему же?

– Уж больно ты невзрачный какой-то... Ростом не вышел, лицо тоже... Без умственных следов. Что у тебя еще есть? Зарплата? Твоя зарплата нынче людей только смешит. Взятки тебе не дают...

– Потому что не беру!

– Какая разница... Да и не берешь ты вовсе не потому, что очень уж нравственный. Просто боишься потерять даже эту зарплату... Квартира у тебя? Должность? Будущее? – Ксенофонтов с нескрываемой жалостью посмотрел на Зайцева. – Ничего у тебя нет. И не будет. Ты это должен знать твердо и окончательно, чтобы не пудрить мозги пустыми надеждами.

– Скоро все изменится, – проговорил следователь без большой уверенности.

– Да. Скоро. Но не при нашей жизни, Зайцев. Нам с тобой придется доживать свои годы, если, конечно, нам отмерены годы, вот в этих условиях, – Ксенофонтов кивнул в сторону окна. Он не глядя сгреб все снимки в кучу, сунул в конверт. – Что у тебя? Опять небось человека убили?

– Убили. Кстати, невесту.

– Видишь, какой из тебя работник... Даже невесту не смог уберечь. А у меня, между прочим, все невесты живы, все женихи здоровы, и я время от времени посещаю свадьбы, смотрины, крестины и прочие радостные события в жизни людей.

– Это хорошо, – кивнул Зайцев, похоже, не услышав ни слова. – Они ее изнасиловали в парке... По очереди... Потом покуражились, как хотели... Живого места не оставили. И это... Задушили. Палкой задушили. Положили на горло, один встал на один конец, другой – на другой... При ней была коробка с фатой и два колечка обручальных. Фатой подтерлись и выбросили, а колечки себе взяли. По колечку на брата.

– Кошмарная история. – Ксенофонтов взял со стола стопку почтовых конвертов, подровнял их, отложил в сторонку. Потом взял стопку писем поменьше, постучал ими по столу, отодвинул. А рядом положил один-единственный конверт. Получилась как бы лестничка из трех ступенек.

– Я их вычислил и задержал в течение суток, – сказал Зайцев.

– А колечки? Изъял?

– Изъял. Говорят, нашли. Но за сутки, представляешь?

– Молодец, – похвалил Ксенофонтов, думая о своем. – Умница. Я всегда верил в тебя. Я всегда знал, что мой друг Зайцев... когда-нибудь еще заявит о себе.

– Обоих задержал.

– Потрясающе. Ты просто гигант. Нет слов, Зайцев. Но скажи мне, ты когда-нибудь стал кивался в своей жизни с тайнами человеческой психики?

– А что это такое?

– Это нечто такое в поведении человека, в его ощущениях, в его суждениях, чего ты объяснить не можешь. Было у тебя такое?

– Никогда, – твердо ответил Зайцев. – И не будет.

– Бедняга, – вздохнул Ксенофонтов. – Мне тебя жаль. Смотри, вот стопка писем, – он показал на самую высокую ступеньку. – Здесь их около полусотни. Все адресованы одному человеку.

– Жениху? – хмыкнул Зайцев.

– Да. Жениху. Мы опубликовали его объявление, и вот – пожалуйста – полсотни писем. А это, – Ксенофонтов показал на маленькую стопку, – получили все остальные женихи и невесты.

– Чем же он их всех так привлек?

– Вот! – воскликнул Ксенофонтов, подняв длинный указательный палец. – Вопрос, достойный высокого и ясного ума! Чем? Невысокого росточка мужичок, ему явно за сорок, одевается чисто, опрятно, но я уверен, что никто его одежкам не завидует. Все заношенное, заштопанное, перелицованное. И объявление самое обычное, у нас все объявления стандартные. Рост, работа, квартира, вредных привычек нет... Как и у всех. И еще заметь – он приходит ко мне каждую неделю и уносит по такой вот пачке.

– Невероятно! – Зайцев сказал это так, что было ясно – он просто сделал одолжение.

– И тогда я решил провести опыт... Напечатал брачное объявление со своими собственными данными, но полностью, до последней запятой воспроизвел объявление этого жениха.

– И тебя засыпали предложениями? – чуть ревниво спросил Зайцев.

– Ни фиги! Пришло одно письмо.

– Красавица?

– Мужик.

– Предложил себя в спутники жизни? – Зайцев усмехнулся, как может усмехнуться человек, постоянно сталкивающийся с проявлениями всевозможных криминальных извращений.

– Он предложил костюм. У него костюм есть – как раз по моим размерам, – Ксенофонтов взял конверт, одиноко лежавший на столе, вынул из него письмо, протянул Зайцеву. – Убедись. Предлагает только костюм. Думаю сходить к нему... Серый цвет, темная полоска... Финский, опять же, а?

– Сходи, обязательно сходи. Да, а парень той девушки умом тронулся. Каждую ночь с солдатским штыком в парк идет и до утра в кустах сидит. Ждет, когда еще кого-нибудь насиловать будут. Тогда он бросится и прикончит злодеев.

– И правильно сделает, – кивнул Ксенофонов.

– Двое оперативников его страхуют. Он ведь может кого угодно порешить.

– Но это ты... славно сработал. Обоих убийц в камеру запер? Я правильно понял?

– Запер-то запер...

– Так вот мой жених... Я, как и он, пожелал женщину не старше тридцати, не выше ста семидесяти, как и он оговорил, чтобы она умела готовить, печь пироги, любила бы детей...

– Я знаю, – перебил Зайцев. – Ты уже рассказывал. Тебе предложили прекрасный финский костюм – вот и бери не раздумывая. Через месяц продашь в десять раз дороже.

– Но почему он получает столько писем?! – взревел Ксенофонов.

– Отвечаю, – тихо проговорил Зайцев. – Завтра я должен выпустить насильников.

– Не надо, – поспешно сказал Ксенофонов. – Это будет нехорошо с твоей стороны. Или ты хочешь, чтобы тот парень с ними расправился?

– Понимаешь... Они верят друг другу. Эти два подонка, эти насильники и убийцы полностью доверяют друг другу. Я держу их в разных камерах, в разных концах коридора, на разных этажах изолятора, чтобы они даже при случайной встрече перемигнуться не могли. И до сих пор ни один из них не дрогнул.

– А ты, конечно, уверяешь каждого, что другой все валит на него?

– Ну... Не то чтобы уверяю, но... Даю понять, – смешался Зайцев. – Обычная, кстати, практика. Когда нет улик и доказательств.

– Нехорошо, – пристыдил Ксенофонов. – Даже по отношению к насильникам и убийцам. О себе надо больше думать, Зайцев. О себе.

– Это в каком же смысле?

– Применив ложь, обман, лукавство, ты уже не сможешь к себе относиться с должным уважением. Нет, ты, конечно, и после этого можешь преклоняться перед собой любимым, но это уже не то... И на твое объявление о поисках красивой девушки, которая любит детективы и умеет быстро стирать мужские носки... боюсь, никто не откликнется. Разве что какой-нибудь пенсионер предложит зачитанное до дыр собрание детективов. Честность – лучшая политика, Зайцев. И могу добавить – самая выгодная политика. Мой жених, – Ксенофонов положил ладонь на толстую пачку писем, – ни в чем не приукрасил себя. Хочешь, прочту его объявление?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.